

ПЕРСОНА
ДИАЛОГ

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

ЕСЛИ БЫ СПИЛБЕРГ ЗНАЛ

Владимир НУЗОВ

— Николай Петрович, мы беседуем с вами на киностудии имени Горького в перерыве между съемками телесериала «Саломея», где вы играете роль строгого отца двух дочерей. У вас, я знаю, есть взрослый сын. Вы строгий отец?

— Работа не позволяет мне уделять сыну столько внимания, сколько хотелось бы. Сыну 23 года, в прошлом году он женился, окончил факультет международного права МГИМО, сдал экзамен на право заниматься адвокатской практикой и буквально месяц назад принят в юридическую консультацию. Параллельно учится в аспирантуре. Внешне все хорошо, надеюсь, и в остальном у него порядок, особенно в молодой семье.

— По окончании школы-студии МХАТ вас приняли в Ленком, где вы играете по сей день. Спрошу не в обиду Марку Анатольевичу Захарову: не было мыслей перейти в другой театр, чтобы выявить какие-то другие стороны своего таланта?

— Выявить, безусловно, интересно, и если мне какой-нибудь режиссер предложит захватывающую пьесу в своем театре, то я в антрепризе с удовольствием сыграю, и Марк Анатольевич не будет против. Если же говорить о театре как о широком понятии, то это и дом, и лаборатория, и товарищи по цеху. Для меня Ленком — лучший театр, Захаров — лучший режиссер. Зачем мне их менять? У меня даже мысли такой нет.

— Недавно я снова — через 20 лет — посмотрел «Юнону» и «Авось». Меня поразили свежесть, незаигранность спектакля. Как актерам, режиссеру это удается?

— Вопрос некорректный в том смысле, что на него необходимо очень долго отвечать: как заставить актеров играть каждый раз так, как будто это последний раз в жизни. И в то же время играть этот спектакль так, будто он первый в жизни: чтобы не было проторенных дорог, штампованных интонаций. Этим артист и должен заниматься каждый день. Как это делать — долго рассказывать, тем более что роль графа Николая Петровича Рязанова из «Юноны» — грандиозная. В ней можно все время что-то искать, открывать новое. За эти 20 лет он у меня изменился, стал другим, поскольку и сам я изменился, и время изменилось — тут очень много всего. И если вы, зритель, не почувствовали некоторой тяжести — то, слава богу, все нормально.

— Удастся ли вам отдохнуть?

— Не удастся. Сегодня, к примеру, съемка «Саломеи» была назначена на 2 часа дня. Но перед тем было одно важное дело, которое сорвалось. Узнал я об этом в два часа ночи, и все дневные планы полетели, из-за чего опоздал на съемку.

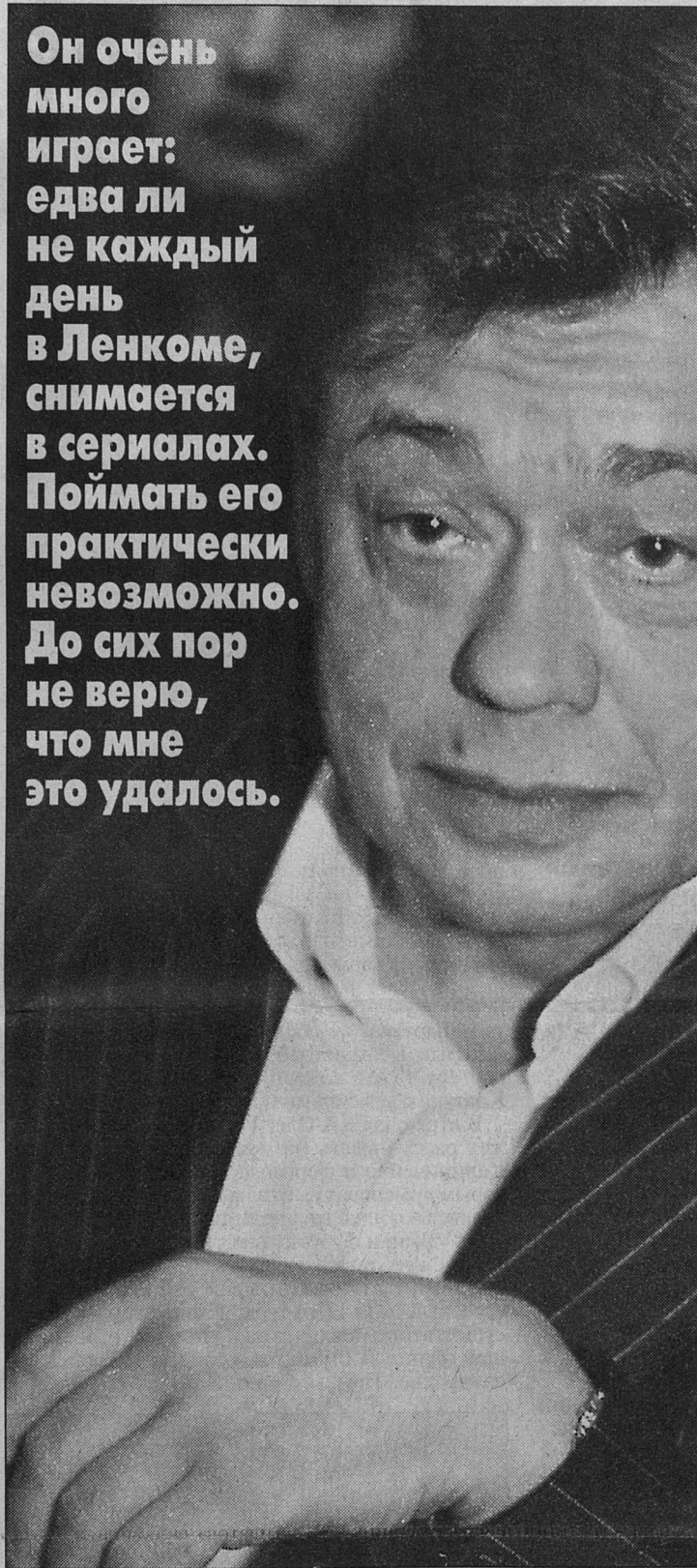
— Вам, разумеется, ежегодный отпуск положен?

— Положен. Но 15-го июля заканчивается сезон в театре, а 16-го начинаются съемки в новой картине. И так много лет подряд — без отпуска. Года три назад дней 10 удалось отдохнуть, а перед этим лет 13—14 — ни одного дня. Недавно закончили картину «Фото», где снимались с Сашей Калягиным, параллельно шли съемки «Саломеи». График был такой: днем — «Фото», ночью, в соседнем павильоне, — «Саломея», на следующий день — снова «Фото». Такова жизнь российского артиста.

— А когда же остановиться, задуматься?

— Живем вроде как по течению: жизнь тащит нас, мы пытаемся барахтаться, однако преодолеть течение не удается. Но! Наступает когда-то момент размышлительный... У меня он не связан ни с юбилеями, ни с Новым годом. Вдруг само по себе по башке: ба-бах! Мне нужно взвесить: что я сделал? Как я живу? Где у меня пробелы? Несмотря на то, что я всю жизнь на людях, имею в виду свою творческую жизнь, — с одной стороны, вроде приятно, что тебя узнают, любят (стучит по дереву. — В.Н.), с другой — популярность вызывает дополнительное напряжение: ты должен все время себя контролировать, потому что тебя слушают люди как представителя актерского клана. Я не тусовочный человек — может быть, компанейский, но не тусовочный.

Он очень много играет: едва ли не каждый день в Ленкоме, снимается в сериалах. Поймать его практически невозможно. До сих пор не верю, что мне это удалось.

Екатерина ЦВЕТКОВА

Когда рядом со мной близкие друзья, мне приятно быть с ними, а когда какая-нибудь презентация — я все равно немножко работаю, поскольку мой труд как бы зрительский. И здесь встает вопрос культуры артиста, я не о себе говорю, а вообще. Как сделать, чтобы, с одной стороны, не стать всеядным, не хватать все подряд, лишь бы крутиться в этой обойме? С другой стороны, если я в ней не буду крутиться, то,

ожидаю 5—10 лет какой-то роли, я потеряю квалификацию.

— Как же соединить несоединимое?

— Я пытаюсь следить за тем, чтобы ни одна моя роль не была похожа на предыдущую. Не знаю, насколько успешно у меня это получается, но я изначально, когда смотрю предлагаемый материал, фиксирую: ну, этого я наиграл кучу, это мне неинтересно, а вот этого я не делал. Скажем, в «Саломее», съемки которой вы только что смотрели, довольно необычная для меня роль. Отец девочка не только строгий, он расчетливый, циничный — он продает свою дочь. Вторая его жизнь — карточные игры и публичный дом, и это все — при внешнем благообразии его семейства. Для меня все это вновь, тем более я играю там с Женей Симоновой — замечательной актрисой, опровергающей все пошлые расхожести о дамах-актрисах: она умница, начитанный, интеллигентный человек. Каждое ее слово открывает для меня что-то новое, она постоянно подпитывает меня.

«Саломею» снимает Леонид Александрович Пчелкин, снявший десятки фильмов, в том числе — «Петербургские тайны», в

которых у меня сумасшедшие по длине монологи.

— Тогда технический вопрос, Николай Петрович. Как быстро вы учите стихи, прозу?

— Профессия заставляет делать это быстро, поэтому я себя тренирую, получается довольно быстро схватывать большие куски. Но актер не зазубривает слова, когда работает над ролью! Я запоминаю внутренние ходы своего персонажа, а слова рождаются уже сами. Любому зрителю тут же почувствуется, что ты говоришь вызубренный текст, а не текст, рождающийся сию секунду! Зазубрить нельзя! Найти живую, сиюминутную интонацию в выученном тексте — за это мне, наверное, и платят зарплату.

— Многие актеры пробуют себя в режиссуре...

— Мне кажется, мы и так живем в век дилетантов. Мне предлагали стать режиссером и в театре, и в кино, даже возглавить один театр. Если взвесить все это прагматичным умом, то для того, чтобы включиться в новое, надо потратить полгода. И все равно это не будет сработано так, как у Захарова, как делал Товстоногов и так далее. А тогда — зачем? Ведь я — актер, я — тыфу-тыфу-тыфу — в более-менее приличной форме, и за это время сыграю четыре хороших роли. Это меня останавливает. Что касается песен, стихов, прозы... Я могу песни писать, но то, что я могу сказать в рифму несколько слов, ничего не значит. Поэт, пишущий песни, — это вообще особая статья. Мы живем в век компьютеров, плееров, телефонов и так далее. А век назад люди разговаривали письмами, эпистолярный жанр был нормой их взаимоотношений. Люди поздравляли друг друга в стихах по любому поводу, интеллигентные люди музицировали, но это не значит, что все из них были Рихтеры или Евтушенко. Получается лишь тогда, когда боль души. Скажем, когда-то Губенко снял «Подранки». Думали, что он эту тему не поднимет, а он взял, все снял сам, и получилось, потому что это была его боль, боль в каждом кадре.

— Николай Петрович, много хороших людей ушло в последнее время. Чья смерть задела вас более всего?

— Любая смерть потрясает, она никогда не бывает вовремя, всегда как обухом по голове. Несколько лет назад я шел по коридорам «Петербургских тайн», выбежала какая-то девочка и говорит: «Леонов умер». А я знаю, что у него сегодня спектакль. И вот — Гриша Горин. Я с ним в день смерти разговаривал! Я называю известных людей, а вот на днях умер мой одноклассник. Геолог,

поехал в командировку — инсульт...

— А ваши родители, Николай Петрович, живы?

— Нет, я похоронил папу и маму. Правда, они разошлись, моему, еще до моего рождения, мы всю жизнь жили с мамой, но с отцом я поддерживал добрые, дружеские отношения, да и у родителей они были дружеские. Когда отец увидел моего сына, он специально приехал к маме, чтобы поделиться впечатлениями. Отец умер на 91-м году жизни, заснул и умер — счастливый человек.

— Круг ваших знакомых очень, мне кажется, широк. А круг друзей?

— Во-первых, друзья по интернату, во-вторых, несколько близких друзей, приобретенных позже: например, балетмейстер театра Станиславского и Немировича-Данченко Дмитрий Брянцев. Если я долго не звоню, звонит сам: куда подевался, жизнь проходит, давай встретимся. С Максимом Дунаевским тоже дружим, правда, сейчас он больше живет в Америке. Ну а знакомых у меня — полмира...

— Хотели бы вы жить в Америке, работать в Голливуде?

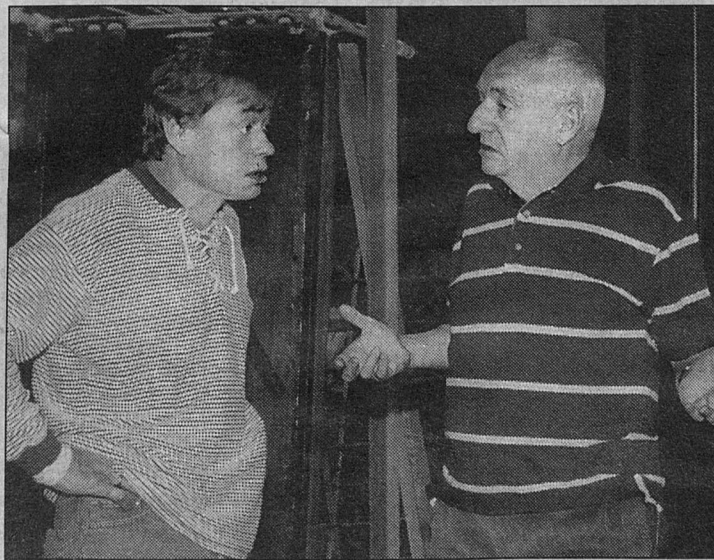
— Мне трижды предлагали, причем серьезно и в те времена, когда это уже не было безумно страшно. Но назовите мне хотя бы одного советского или русского актера, который бы что-то интересное сделал в американском кино. Более того, ежели я туда попадаю, я сразу из актера Караченцова превращаюсь в тип: в их картотеке есть славянский тип с русским акцентом — капитан КГБ в картине среднего режиссера. Материально я жил бы значительно лучше, но...

— Ну а если бы Спилберг предложил сыграть в его фильме?

— Спилберг не предложит, потому что он меня не знает. Если бы он меня знал, думаю, предложил бы. А так... Представьте себе — Спилбергу говорят: знаете, в Монголии некто гениально играет Гамлета. Он что — полетит сломя голову в Монголию?

— Последний вопрос, Николай Петрович. Вы в политике кто?

— Очень хочу быть НИКТО. Я благодарен Горбачеву и Ельцину за то, что мой внук не будет каждый день надевать пионерский галстук, что не будет паргосбраний, куда хочешь — туда и иди. Сейчас что получается? Давайте, Николай Петрович, к нам, в СПС. Зачем, почему? Я волевым образом читаю газеты и вижу, что всякого политического жулья — несть числа. На каждого читателя — по десятку политзазывал. Не стоит в этом вариться и крутиться. Лучше все же основываться на тех заповедях, которые оставили мне папа и мама.

«Что, Николай Петрович, опять на съемки отъезжать изволите?»